
Станислав Лем
4

Путешествие двадцать пятое
Станислав Лем

Станислав Лем. Путешествие двадцать пятое

Станислав Лем
Путешествие двадцать пятое

Одна из главных космических трасс в созвездии Большой Медведицы соединяет планеты Мутрию и Латриду. На этой же дороге лежит Таирйя — скалистый шар, пользующийся среди путешественников дурной славой из-за окружающих его огромных каменных туч. Диск планеты едва проглядывает сквозь этот каменный заслон; его непрестанно пронизывают яркие вспышки и грохот сталкивающихся глыб; короче говоря, — настоящий первозданный хаос.

Несколько лет назад пилоты, курсирующие между Мутрией и Латридой, стали рассказывать о каких-то страшных чудищах, которые внезапно выскакивают из туч, клубящихся над Таирией, нападают на ракеты, оплетают их длинными щупальцами и стараются затянуть в свое мрачное логово. Пока все ограничивалось паникой среди пассажиров. Немного позднее разнеслась весть, что эти чудовища напали на одного путешественника, который, наслаждаясь послеобеденной прогулкой, расхаживал в скафандре по поверхности своей собственной ракеты. Правда, многое здесь было преувеличено — путешественник (мой хороший знакомый) облил скафандр чаем и вывесил его из люка для просушки. в этот момент налетели странные извивающиеся существа и,

схватив скафандр, умчались.

Все эти слухи вызвали такое волнение на близлежащих планетах, что специальной экспедиции было поручено исследовать окрестности Таврии. Некоторые участники экспедиции утверждали, что якобы в глубине туч Таирии они заметили каких-то змееподобных, похожих спрутов чудовищ, но это не получило подтверждения, и через месяц экспедиция, не отважившаяся углубиться в район кремневых туч Таирии, вернулась на Латриду ни с чем. Позднее предпринимались и другие экспедиции, но ни одна из них не дала результатов.

Наконец известный космический бродяга, отважный Ас Мурбрас, выбрался на Таирию с двумя псами в скафандрах, чтобы поохотиться на загадочных страшилищ. Через пять дней он вернулся один, совершенно измотанный. Как он рассказал, недалеко от Таирии из тучи вдруг выскочило множество чудовищ, которые оплели щупальцами его и собак; храбрый охотник выхватил нож и, нанося удары вслепую, сумел вырваться из смертельных объятий, чего не удалось, увы, сделать псам. Скафандр Мурбраса и снаружи и изнутри, носил следы борьбы, а в некоторых местах к нему прилипли какие-то зеленые лохмотья,

похожие на волокнистые стебли. Ученая комиссия, добросовестно исследовав эти лохмотья, определила, что это обрывки многоклеточного организма, отлично известного на Земле: речь шла о Solanum tuberosum, многосемянном клубнеплоде, завезенном испанцами из Америки в Европу в XVI веке. Это известие взбудоражило умы, и невозможно описать, что творилось, когда кто-то перевел научное название на нормальный язык и выяснилось, что Мурбрас принес на своем скафандре кусочки картофельной ботвы.

Отважный звездный бродяга, задетый за живое подозрением, что в течение четырех часов он бился с картофелем, потребовал от комиссии опровергнуть эту гнусную клевету, но ученые отказались что-либо изменить в своем заключении. Это известие взбудоражило всех. Образовались партии Картофельников и Антикартофельников, борьба охватила сначала Малую, а потом и Большую Медведицу; противники обменивались тяжелейшими оскорблениями. Но все это было пустяком по сравнению с тем, что началось, когда в спор вмешались философы.

Из Англии, Франции, Австралии, Канады и Соединенных Штатов съехались самые выдающиеся теоретики плавания и представители

чистого разума, и результаты их деятельности потрясли всех.

После всестороннего изучения вопроса физикалисты заявили, что когда два тела А и Б движутся, одинаково правильно будет сказать, что А движется относительно Б и что Б движется относительно А. Поскольку движение относительно, можно с одинаковым основанием утверждать и что человек движется относительно картофеля и что картофель движется относительно человека. Поэтому вопрос, может ли картофель двигаться — бессмыслен, а вся проблема — мнимая, то есть вообще не существует.

Семантики заявили, что все зависит от того, как понимать слова «картофель», «является» и «подвижный». Поскольку ключ здесь — глагол «является», его необходимо исследовать детально. После этого они приступили к созданию Энциклопедии Космической Семасиологии, посвятив первые четыре тома рассмотрению слова «является».

Неопозитивисты заявили, что непосредственно нам даны не пучки картофеля, а пучки чувственных восприятий; затем они создали логические символы, означающие «пучок восприятий» и «пучок картофеля», составили специальное урав-

нение суждений из одних только алгебраических знаков и, исписав море чернил, пришли к математически точному и, вне всякого сомнения, верному результату: 0 = 0.

Томисты заявили, что бог для того создал законы природы, чтобы иметь возможность творить чудеса, так как чудо есть нарушение законов природы, а где нет законов, там нечего нарушать. В указанном случае картофель двигается, если такова воля Всевышнего, но неизвестно, не фокусы ли это проклятых материалистов, которые стремятся дискредитировать церковь; следовательно, нужно ждать решения Ватиканской Курта.

Неокантианцы заявили, что предметы являются творениями духа, а не познаваемыми вещами; если разумсоздает идею подвижного картофеля, то подвижный картофель будет существовать. Однако это только первое впечатление, поскольку дух наш так же непознаваем, как и его творения; и потому ничего не известно,

Холисты–плюралпсты–бихевиористы–физикалисты заявили, что, как известно из физики, закономерность в природе является только статистической. Так же как невозможно с абсолютной точностью предвидеть путь единичного электрона, так же неизвестно наверное, как будет

вести себя единичная картофелина. Все прежние наблюдения показывают, что миллионы раз человек копал картофель, но не исключено, что один раз из миллиарда случится наоборот, то есть картофель будет копать человека.

Профессор Урлипан, мыслитель-одиночка школы Рассела и Рейхенбаха, подверг все эти выводы уничтожающей критике. Он утверждал, что человек не получает чувственных восприятий, ибо никто не наблюдает чувственного восприятия стола, кроме самого стола: но поскольку, с другой стороны, известно, что о внешнем мире ничего не известно, то нет ни внешних вещей, ни чувственных восприятий. «Нет ничего, — заявил профессор Урлипан. — А если кто-нибудь думает иначе, он заблуждается». Следовательно, о картофеле сказать ничего нельзя, но совсем по другой причине, чем считают неокаптианцы.

Пока профессор Урлипан работал непрерывно, не выходя из дома, перед которым ожидали Антикартофельники с гнилой картошкой, ибо страсть затуманила все умы, на сцене появился, а говоря точнее, на Латриде высадился профессор Тарантога. Не обращая внимания на бесплодные ссоры, он решил исследовать тайну sine ira et Studio, как подобает настоящему ученому. Он

начал исследования с посещения окрестных планет, где собрал информацию у местных жителей. Таким образом, профессор установил, что загадочные существа известны здесь под названиями! «гортохля», «картосы», «картыши», «корфеты», «бараболя», «картовка», «барабошка», «картопля», «гулена», «гульба», «картоха»; это дало ему пищу для размышлений, поскольку, как сообщали словари, все эти названия были синонимами обыкновенного картофеля.

С достойным удивления упорством и несокрушимой страстью пробивался Тарантога к сути загадки, и через пять лет у него была готова теория, которая все объяснила.

Когда-то в окрестностях Таирии сел на метеоритный риф корабль, шедший на Латриду с грузом картофеля для колонистов. Через образовавшуюся в обшивке пробоину высыпался весь груз. Корабль сняли с рифа, и спасательные ракеты отбуксировали его на Латриду, после чего вся эта история была забыта. Тем временем картофелины, упавшие на поверхность Таирии, пустили ростки и начали как ни в чем не бывало развиваться. Но все-таки условия существования были чрезвычайно тяжелыми: сверху то и дело падал каменный град, уничтожая молодые побеги и

даже убивая целые растения. В результате уцелели только самые хитрые картофелины, которые умели устраиваться и находить себе убежище. Возникшая таким образом порода сообразительного картофеля развивалась все более бурно.

Через несколько поколений картофелю наскучил оседлый образ жизни, он самостоятельно выкопался и перешел к кочевому существованию. Одновременно он утратил кротость и пассивность, присущие земному картофелю, прирученному заботой и уходом. Все больше дичая, картофель в конце концов стал хищным. Постепенно ему на планете становилось все теснее, наступил новый кризис; молодое поколение картофеля распирала жажда деятельности; оно мечтало вершить дела необыкновенные и для растений совершенно новые. Обратив ботву в сторону неба, оно увидело летающие там каменные обломки и решило на них поселиться.

Слишком далеко увело бы нас изложение всей теории профессора Тарантоги, показывающей, как картофель сначала научился летать, трепеща листьями, как затем он поднялся за пределы атмосферы Таирии, чтобы, наконец, обосноваться на летающих вокруг планеты скальных обломках. Во всяком случае; картофелю это удалось

благодаря тому, что, сохраняя растительный обмен веществ, он мог длительное время находиться в пустоте, обходясь без кислорода и черпая жизненную энергию из солнечного света. Окончательно обнаглев, картофель начал нападать на ракеты, пролетающие вблизи Таирии.

Любой ученый на месте Тарантоги опубликовал бы эту замечательную гипотезу и почил бы на лаврах, во профессор решил отказаться от отдыха, пока де поймает хотя бы один экземпляр хищного картофеля.

Теперь, после создания теории, наступила очередь практики. Новая задача была по меньшей мере такой же трудной. Выяснилось, что картофель прячется в трещинах больших камней; пускаться на его поиски в подвижный лабиринт мчащихся скал было бы равносильно самоубийству. С другой стороны, Тарантога не собирался убивать картофель; он хотел иметь живую особь, здоровую, полную сил. Некоторое время профессор подумывал об охоте с загонщиками, но и этот проект отбросил как неудачный и остановился на абсолютно новом, который должен был широко прославить его имя.

Тарантога решил ловить картофель на наживку. С этой целью он купил в магазине учебных

пособий на Латриде самый большой глобус, какой только сумел достать, — прекрасный лакированный шар шестиметрового диаметра. Профессор приобрел также большое количество меда, сапожного вара и рыбьего клея, хорошенько смешал это в равных пропорциях и полученной субстанцией вымазал поверхность глобуса. Потом он привязал его длинным тросом к ракете и полетел в сторону Таирии. Приблизившись на достаточное расстояние, профессор укрылся за краем ближайшей туманности и закинул трос с приманкой. Весь план построен в расчете на огромное любопытство картофеля. Через некоторое время легкое подрагивание троса показало, что Добыча близка. Осторожно выглянув, Тарантога заметил, как несколько хищников, потряхивая ботвой и медленно перебирая клубнями, направляются к глобусу: вероятно, они приняли его за какую-то неизвестную планету. Немного погодя они набрались храбрости и присели на глобус, приклеившись к его поверхности. Профессор быстро выдернул трос, привязал его к хвосту ракеты и полетел в сторону Латриды.

Трудно описать энтузиазм, с которым был встречен смелый ученый. Пойманный на удочку картофель вместе с глобусом заперли в клетку

и выставили для публичного обозрения. Охваченный яростью и страхом картофель рассекал воздух ботвой, топал клубнями, но, естественно, ему ничего не помогло.

На другой день к Тарантоге явилась ученая комиссия, чтобы вручить ему почетный диплом и большую медаль за заслуги, но профессора уже не было. Выполнив свою задачу, он ночью улетел в неизвестном направлении.

Причина такого внезапного отъезда мне хорошо известна. Тарантога спешил, потому что через девять дней должен был встретиться со иной на Цырулее. Что касается меня, то в это же самое время я мчался к условленной планете с противоположного конца Млечного Пути. Мы намеревались вместе отправиться в экспедицию к еще не исследованному рукаву Галактики, растянувшемуся за темной туманностью в Орионе. Я еще не был знаком с профессором лично и, желая приобрести репутацию человека обязательного и пунктуального, выжимал из двигателя всю мощность. Но, как это часто бывает, когда очень спешишь, мне помешал непредвиденный случай. Какой-то маленький метеор пробил топливный бак и, застряв в выхлопной трубе двигателя, наглухо ее закупорил.

Недолго думая, я надел скафандр, вооружился сильным фонариком и инструментами и вышел из кабины наружу. Вытаскивая метеор клещами, я случайно выронил фонарик, который улетел довольно далеко и стал самостоятельно парить в пространстве. Я заткнул дыру в баке и вернулся в кабину. Гоняться за фонариком я не мог, поскольку лишился почти всего запаса топлива, и едва добрался до ближайшей планеты — Процитии.

Проциты — существа разумные и очень на нас похожие; одно, впрочем, несущественное различие заключается в том, что до колен у них обычные ноги, а ниже — колесики, не искусственные, а являющиеся частью тела. Пропиты передвигаются очень быстро и изящно, не хуже, чем циркачи на одноколесных велосипедах. У них весьма развиты науки, особенно они увлекаются астрономией; изучение звезд там так распространено, что вы не встретите никого — ни старого, ни молодого процита без портативного телескопа. На этой планете используются исключительно солнечные чаем, и публично посмотреть на механические часики — значит совершить аморальный поступок. У процитов имеются также многочисленные культурные учреждения. Помню, как при первом своем по-

сещении Процитии я был приглашен на банкет в честь старого Маратилитеца, их знаменитого астронома. Мы с ним начали обсуждать какую-то астрономическую проблему. Профессор возражал мне, дискуссия с каждой минутой становилась все острее; старец испепелял меня взглядом, и казалось, он вот-вот взорвется. Вдруг он вскочил и поспешно покинул зал. Через пять минут Маратилитец вернулся и сел рядом со мной, добродушный, улыбающийся, спокойный, как ребенок. Заинтересованный этим, я потом спросил, что вызвало такое чудесное изменение в его настроении.

— Как, — воскликнул процит, к которому я обратился с вопросом, — ты не знаешь? Профессор воспользовался бесильней.

— А что это?

— Название этого заведения происходит от слова «беситься». Индивид, охваченный гневом или разозлившийся на кого-нибудь, входит в маленькую кабину, обитую пробкой, и дает волю своим чувствам.

Теперь же, садясь на Процитию, я еще с воздуха увидел на улицах толпы народа: они размахивали разноцветными лампионами и издавали радостные крики. Оставив ракету под присмот-

ром механиков, я отправился в город. Как мне объяснили, праздновалось открытие новой звезды, которая появилась на небе прошлой ночью. Это заставило меня задуматься, а когда после сердечной встречи Маратилитец пригласил меня к своему мощному телескопу, я, едва взглянув в окуляр, понял, что мнимая звезда — это просто мой фонарик, летающий в пространстве. Вместо того чтобы сказать об этом процитам, я несколько легкомысленно решил разыграть из себя лучшего, чем они, астронома и, быстро прикинув в уме, на сколько еще хватит батарейки, громко объявил собравшимся, что новая звезда будет в течение шести часов белой, потом пожелтеет, покраснеет, а затем совсем погаснет. К моему предсказанию процитцы отнеслись с недоверием, а эдалатилитец с присущей ему запальчивостью воскликнул, что, если это случится, он готов съесть собственную бороду.

Звезда начала меркнуть в предсказанное мною время, а когда вечером я явился в обсерваторию, то застал группу расстроенных ассистентов, которые сообщили мне, что Маратилитец, чья гордость была сильно уязвлена, закрылся в кабинете, чтобы выполнить поспешно данное обещание. Тревожась за его здоровье, я попытался

поговорить с ним через дверь, но безрезультатно. Приложив ухо к замочной скважине, я услышал звуки, которые подтверждали олова ассистентов. В полном замешательстве я написал письмо, в котором все объяснил, отдал его ассистентам с просьбой вручить профессору сразу же после моего отлета, и со всех ног бросился на космодром. Я вынужден был так поступить, ибо не был уверен, что перед разговором со мной профессор успеет воспользоваться бесильней.

Я покинул Процитию в час ночи с такой поспешностью, что совершенно забыл о горючем. Через какой-нибудь миллион километров баки опустели, и я очутился в роли потерпевшего крушение в космосе, на корабле, беспомощно блуждающем в пустоте. Всего три дня оставалось до условленного времени встречи с Тарантогой.

Цирулея была отлично видна в окно; она светилась на расстоянии каких-нибудь трехсот миллионов километров, но я мог только смотреть на нее в бессильной ярости. Вот так иногда незначительные причины порождают серьезные последствия.

Через некоторое время я заметил медленно растущую планету. Корабль, пассивно поддаваясь ее тяготению, летел все быстрее и, наконец,

стал падать камнем, Я сделал хорошую мину при плохой игре та сел за рули.

Планета была довольно маленькой, пустынной, но уютной. Я рассмотрел оазисы с вулканическим отоплением и проточную воду. Вулканов было много, они извергали огонь и столбы дыма. Маневрируя рулями, я летел уже в атмосфере, стараясь, как только мог, снизить скорость, но это лишь оттягивало момент падения. Внезапно, когда я пролетал над скоплением вулканов, меня осенила блестящая идея, мгновение я колебался, а потом, приняв отчаянное решение, направил нос ракеты вниз и как молния ринулся прямо в зияющее подо мной жерло самого, большого вулкана. В последний момент, когда его раскаленная пасть уже готова была поглотить меня, я ловким маневром рулей перевернул ракету носом вверх и в таком положении погрузился в пучину клокочущей лавы.

Я очень рисковал, но другого выхода у меня не было. Я рассчитывал на то, что пробужденный резким ударом, который нанесет ему ракета, вулкан среагирует взрывом, — и не ошибся. Раздался гром, от которого заходили стены, и в многомильном столбе огня, лавы, пепла и дыма я вылетел в небо. Я направил ракету так, чтобы выйти на

курс, ведущий прямо к Цирулее; это превосходно мне удалось.

Я был на ней уже через три дня, опоздав всего на двадцать минут. Но Тарантоги не застал: он уже улетел, оставив лишь письмо до востребования. Вот оно.

> «Дорогой коллега, обстоятельства вынуждают меня немедленно отправиться в путь, поэтому я предлагаю встретиться в глубине еще не исследованной территории; поскольку тамошние звезды не имеют названий, сообщаю вам ориентиры: летите прямо, за голубым солнцем сверните налево, за следующим, оранжевым, направо: там будут четыре планеты, — встретимся на третьей, если считать слева. Жду!
>
> ***Преданный вам Тарантога».***

Заправившись, я стартовал на закате. В дороге я находился неделю, а углубившись в неизвестный район, без труда нашел нужные звезды и, точно придерживаясь указаний профессора, наутро восьмого дня увидел планету, о которой он писал. Массивный шар утопал в косматом зеленом мехе; это были гигантские тропические джунгли. Такая

картина несколько смутила меня — я не представлял, как приняться за попе ни Тарантоги. Но я рассчитывал на его находчивость и не ошибся. Двигаясь прямо к планете, в одиннадцать утра я увидел на ее северном полушарии какие-то неясные Знаки, от вида которых у меня перехватило дыхание.

Я всегда говорю молодым наивным космонавтам: не верьте, когда кто-нибудь вам рассказывает, что, подлетев к планете, он прочитал ее название, — это только обычная космическая шутка. Однако на этот раз я был поставлен в тупик, потому что на фоне зеленых лесов отчетливо выделялась надпись:

«Не мог ждать. Встреча на следующей планете.

Тарантога».

Буквы были километровой величины, иначе я бы, естественно, их не заметил. Не помня себя от изумления и любопытства, я снизился, пытаясь понять, как удалось профессору вывести эту гигантскую надпись. Тут я увидел, что контуры букв представляют собой широкие просеки поваленного и поломанного леса, четко выделявшиеся на фоне девственных зарослей.

Не разгадав загадки, я помчался в соответствии с указанием к следующей планете, обитаемой и цивилизованной. В сумерки сев на космодроме, я начал расспрашивать в порту о Тарантоге, но напрасно: и на этот раз вместо него меня ожидало письмо:

«Дорогой коллега, приношу свои самые горячие извинения за причиненное разочарование, но срочные семейные дела вынуждают меня, к сожалению, немедленно вернуться домой. Чтобы смягчить ваше неудовольствие, оставляю в бюро порта пакет, прошу вас получить его: в нем находятся плоды моих последних исследований. Вам, наверное, интересно узнать, каким образом я сумел оставить на предыдущей планете письменное сообщение; это было совсем просто. Эта планета переживает эпоху, соответствующую каменноугольному периоду Земли. Ее населяют гигантские ящеры, в частности ужасные сорокаметровые атлантозавры. Высадившись на планете, я подкрался к большому стаду атлантозавров и дразнил их до тех пор, пока они

не бросились за мной. И помчался через лес с таким расчетом, чтобы путь моего бегства образовал контур букв, а стадо, гнавшееся за мной, валило деревья. Таким образом возникла широкая, около восьмидесяти метров, просека! Это было, повторяю, просто, но несколько утомительно: мне пришлось пробежать больше тридцати километров, причем довольно быстро.

Искренне сожалею, что ина этот раз мы не познакомились лично, жму вашу мужественную руку и преклоняюсь перед вашими достоинствами и отвагой.

Тарантога.
P.S. Горячо рекомендую вам пойти вечером в город на концерт — это великолепно».

Я получил оставленный мне пакет, велел отвезти его в отель, а сам отправился в город. Он выглядел чрезвычайно интересно. Планета вращается с такой скоростью, что время суток изменяется ежечасно. Большая скорость вращения создает значительную центробежную силу, и свободно опущенный отвес здесь не вертикален

к поверхности, как на Земле, а образует с ней угол в сорок пять градусов. Все дома, башни, стены, вообще все строения возводятся здесь наклоненными к поверхности под углом сорок пять градусов, что создает картину, очень странную для человеческого глаза. Дома с одной стороны улицы как будто ложатся навзничь, с другой же, наоборот, нависают над мостовой. Обитатели планеты, чтобы не падать, вследствие естественного приспособления имеют одну ногу короче, а другую длиннее; человек же должен во время ходьбы подгибать одну ногу, что через некоторое время начинает изрядно досаждать и утомлять. Поэтому я шел так медленно, что когда добрался до здания, в котором должен был состояться концерт, там уже запирали двери. Я поспешно купил билет и вбежал внутрь.

Едва я уселся, дирижер постучал палочкой, и все притихли. Музыканты оркестра проворно зашевелились, играя на неизвестных мне инструментах, похожих на трубы с продырявленными воронками, как у лейки; дирижер то взволнованно вздымал передние конечности, то разводил их, как бы приказывая играть пиано, но меня охватывало все возрастающее изумление, так как я не слышал ни одного, даже самого слабого зву-

ка, Я осторожно огляделся и увидел выражение экстаза, написанное на лицах соседей; все больше смущаясь и беспокоясь, я попробовал незаметно прочистить себе уши, но без всякого результата. Наконец, решив, что я оглох, я тихонько постучал ногтем о ноготь, но этот тихий звук услышал отчетливо. Совершенно не понимая, что и думать обо всем этом, ошеломленный всеобщим выражением эстетического наслаждения, я решил досидеть до конца. Раздалась буря аплодисментов: поклонившись, дирижер снова постучал палочкой, и оркестр приступил к следующей части симфонии. Все вокруг были восхищены; я слышал громкое сопение и принимал его за признак глубокой взволнованности. Наконец настало время бурного финала — я мог судить об этом только по темпераментным движениям дирижера и по крупному поту, катившемуся по лицам музыкантов. Вновь вспыхнули аплодисменты. Сосед повернулся ко мне, выражая восхищение симфонией и ее исполнителями. Я пробормотал что-то невразумительное и, абсолютно сбитый с толку, выскочил на улицу.

Я уже отошел на несколько десятков шагов от концертного зала, но что-то заставило меня обернуться и посмотреть на его фасад. Как и все

другие здания, зал был наклонен к улице под острым углом; со стены кричала огромная надпись: «Городская олфактория», а ниже были расклеены афиши, на которых я прочитал:

МУСКУСНАЯ СИМФОНИЯ ОДОНТРОНА
I. Preludium Odoratus
II. Allegro Aromatoso
III. Andante Olens
Дирижирует
находящийся на гастролях
известный носист
ХРАНТР

Я зло выругался и, повернувшись, поспешил в отель. Я не винил Тарантогу за то, что не получил эстетического удовольствия, ведь он не мог знать, что мне все еще досаждает насморк, который я схватил на Сателлине.

Чтобы вознаградить себя за разочарование, сразу же после прихода в отель я открыл пакет. В нем находился звуковой киноаппарат, бобина пленки и письмо следующего содержания:

«Мой дорогой коллега!

Вероятно, вы помните наш телефонный разговор, когда вы находились на Малой, а я на Большой Медведице. Я тогда сказал вам, что, по-моему, бывают существа, которые способны жить при высокой температуре на горячих, полужидких планетах и что я намереваюсь предпринять исследования в этом направлении. Вы выразили сомнение в том, что это предприятие увенчается успехом. Так вот, доказательства перед вами. Выбрав огненную планету, я на ракете приблизился к ней на возможно малое расстояние, а затем на длинном асбестовом шнуре спустил вниз огнеупорный киноаппарат и микрофон; таким образом мне удалось снять много интересных кадров. Некоторые из них я позволяю себе приложить к письму.

Ваш Тарантога».

Я сгорал от любопытства и, едва кончив читать, вставил пленку в аппарат, сдернутую с кровати простыню повесил на дверь и, погасив свет, включил проектор. Сначала на импровизированном экране мелькали только цветовые пятна, до меня

доносились хриплые звуки и щелканье, словно в печи трещали поленья, потом изображение стало резким.

Солнце опускалось за горизонт. Поверхность океана волновалась, по ней пробегали маленькие синие огоньки. Огненные тучи бледнели, становилось все темнее. Появились первые бледные звезды. Молодой Кралош, утомленный дневными занятиями, снялся со своего шпенька, чтобы насладиться вечерней прогулкой. Он никуда не спешил; медленно шевеля скриплами, он с удовольствием вдыхал свежие, ароматные клубы разогретого аммиака. К нему приближалась какая-то фигура, еле видная в сгущающихся сумерках. Кралош напряг смых, но только когда фигура оказалась совсем близко, юноша узнал своего приятеля.

— Какой чудесный вечер, не правда ли? — сказал Кралош.

Приятель переступил с одной хожни на другую, до половины высунулся из огня и ответил:

— Действительно хороший. Знаешь, нашатырь в этом году уродился великолепно.

— Да, да, урожай обещает быть отличным.

Кралош лениво покачался, перевернулся на живот и, тараща все зрявни, засмотрелся на звезды.

— Знаешь, мой дорогой, — сказал он через минуту, — когда я смотрю в ночное небо, вот так, как сейчас, во мне зарождается уверенность, что там, далеко-далеко, есть иные миры, похожие на наш, также заселенные разумными существами…

— Кто здесь говорит о разуме?! — раздалось поблизости.

Оба юноши повернулись задом в сторону, откуда слышался голос, чтобы рассмотреть пришельца. Они увидели суковатую, но еще крепкую фигуру Фламента. Маститый ученый приблизился к ним величественной походкой, а будущее потомство, похожее на кисти винограда, уже поднималось, выпускало первые ростки на его раскидистых плечах.

— Я говорил о разумных существах, населяющих другие миры… — ответил Кралош, поднимая клусты в почтительном приветствии.

— Кралош говорит о разумных существах с иных миров?.. — произнес ученый. — Посмотрите-ка на него! С иных миров!!! Ах, Кралош, Кралош! Чем ты занимаешься, юноша? Открыл фонтан фантазии? Что ж… хвалю… в такой прекрасный вечер можно… Правда, изрядно похолодало, вы заметили?

— Нет, — одновременно ответили оба юноши.

— Конечно, молодой огонь, известное депо. А все-таки сейчас всего лишь восемьсот шестьдесят градусов; надо было взять накидку на двойной лаве. Что поделаешь, старость. — Так ты говоришь, — начал он, поворачиваясь задом к Кралошу, — что в иных мирах существуют разумные создания? И каковы же они, по-твоему?

— Точно знать этого нельзя, — несмело проговорил юноша. — Думаю, что они разные. По-видимому, не исключено, что на более холодных планетах из субстанции, называемой белком, могли бы образоваться живые организмы.

— От кого ты это слышал? — гневно вскричал старец.

— От Имилоза. Это тот молодой студент-биохимик, который…

— Скажи лучше, молодой балбес! — сердито выкрикнул Фламент. — Белковая жизнь?! Жизнь существа без белка? И ты не стыдишься нести такой вздор при своем учителе?! Вот они, плоды невежества и нахальства, которые сейчас устрашающе разрастаются! Знаешь, что следовало бы сделать с твоим Имплозом? Обрызгать его водой, вот что!

— Но, почтенный Фламент, — отважился заговорить друг Кралоша, — за что ты хочешь так

сурово наказать Имплоза? Не мог бы ты нам сказать, как могут выглядеть существа на других планетах? По-твоему, они не могут иметь вертикальную фигуру и передвигаться на так называемых ногах?

— Кто это тебе сказал?

Кралош испуганно молчал.

— Имплоз… — прошептал его приятель.

— Да отвяжитесь вы от меня со своим Имплозом и его выдумками! — воскликнул ученый. — Ноги! Ну, конечно! Как будто еще двадцать пять пламеней тому назад я не доказал математически, что любое двуногое существо, стоит его поставить, немедленно опрокинется! Я даже изготовил соответствующую модель и чертеж, но что вы, бездельники, можете об этом знать! Как выглядят разумные существа иных миров? Прямо не скажу, подумай сам, научись мыслить. Прежде всего они должны иметь органы для усвоения аммиака, не правда ли? Какое устройство сделает это лучше, чем скрипла? Разве они не должны перемещаться в среде в меру упругой, в меру теплой, как наша? Должны, а? Вот видишь! А как это делать, если не хожнями? Аналогично будут формироваться и органы чувств — зрявни, клуствицы и скрябы. Но они должны быть похожи на вас, пятиронцев,

не только строением, но и образом жизни. Ведь известно, что пятерка является основной ячейкой нашей семейной жизни — попробуй пофантазировать, выдумай что-нибудь другое, напрягай сколько угодно воображение, и я ручаюсь тебе, что ты потерпишь поражение! Для того чтобы создать семью, чтобы дать жизнь потомству, должны соединиться Дада, Гага, Мама, Фафа и Хаха. Ни к чему взаимные симпатии, ни к чему планы и мечты, если отсутствует представитель хоть одного из этих пяти полов. Такая ситуация, к сожалению, иногда встречается в жизни. Мы называем ее драмой четверки или несчастной любовью… Как видишь, если рассуждать без малейших предубеждений, опираясь исключительно на научные факты, если пользоваться точным инструментом логики, мыслить холодно и объективно, мы придем к неопровержимому выводу, что каждое разумное существо должно быть похоже на пятиронца… Да. Ну, надеюсь, я вас убедил?